

Библейско-богословская коллекция

Богословские исследования

Доброклонский А.П.

**АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ
ОБРАЗОВАННОСТЬ,
КАК СФЕРА,
БЛАГОПРИЯТСТВОВАВШАЯ
ПРОИСХОЖДЕНИЮ
ХРИСТИАНСКОЙ
АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ
ШКОЛЫ**

Чтения в Обществе любителей духовного
просвещения, 1880, I, с. 220-258

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Александрійская образованность, какъ сфера благопріятствовавшая происхожденію христіанской александрійской школы.

Нѣтъ возможности, по недостатку положительныхъ извѣстій, исторически прослѣдить образованіе того сложнаго организма, какимъ является въ началѣ III в. Александрійская христіанская школа. О первоначальномъ ея состояніи, впрочемъ, извѣстно, что она была простымъ διδασκαλεῖον ¹⁾ или παιδευτήριον, т. е. училищемъ для воспитанія христіанскихъ дѣтей. Можно догадываться также, что она была вмѣстѣ и огласительнымъ училищемъ, въ которомъ преподавалась обращеннымъ въ христіанство язычникамъ ²⁾ начатки христ. вѣры, отчего впоследствии и получила свое названіе „огласительной школы“. Такимъ образомъ посѣтителями ея были въ первое время ея существованія только дѣти и оглашенные ³⁾. Когда же стали ходить въ нее язычники, не обратившіеся еще въ христіанство, этого мы не можемъ сказать; а тѣмъ менѣе можемъ говорить о первоначальномъ преподаваніи въ этой школѣ. Поэтому мы должны представить себѣ тотъ уже дальній образъ Александрійской огласительной школы, который по историческимъ извѣстіямъ окончательно сложился въ началѣ III и въ концѣ II в. Усвоивши черты этого образа, мы въ состояніи будемъ понять, въ образованіи какихъ чертъ и какъ участвовала Александрійская образованность. Посѣтителями Александрійской огласительной школы являются теперь не только христіанскіе дѣти

¹⁾ Евсев. Ист. Ц. V, 10, VI, 26 и др.

²⁾ Евсев. Ист. Ц. VI кн.

³⁾ Дух. Вѣсти. 1862 г. т. III, стр 31—Евсев. Ц. II. VI кн.

и взрослые „оглашаемые“, т. е. обратившіеся уже къ христіанству александрійцы, но и не обратившіеся къ нему язычники и отпавшіе—еретики, которые, по замѣчаніямъ Евсевія, приходятъ сюда въ большомъ количествѣ; видимъ наконецъ здѣсь и такихъ христіанскихъ юношей, которые подготовляются спеціально къ прохожденію пастырской должности ¹⁾. Такимъ образомъ Александрійская христіанская школа въ одно и тоже время и низшее хр. учебное заведеніе (въ родѣ нашихъ духовныхъ и уѣздныхъ училищъ), и огласительное заведеніе, и миссіонерское учрежденіе, и среднее или высшее духовное училище (въ родѣ нашихъ духовныхъ семинарій или академій).—Учителя, или катехеты—какъ они назывались—этой школы въ тотъ цвѣтущій ея періодъ, который намъ важно имѣть въ виду, т. е. съ конца II до половины IV в., выбираются съ особенною осмотрительно-стію ²⁾ въ отношеніи къ ихъ христіанскому и научному образованію, такъ что поэтому они всѣ обладаютъ замѣчательною ученостію ³⁾.—Наконецъ остается бросить взглядъ на предметы и направленіе христ. Александрійской школы, чтобы очеркъ ея состоянія въ данный періодъ былъ полонъ. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ низшаго и средняго учебныхъ заведеній здѣсь раскрываются и уясняются книги Св. Писанія, излагается въ болѣе или менѣе широкомъ объемѣ, смотря по состоянію слушателей ⁴⁾, научно доказывается и облекается въ философскую систему христіанское вѣроученіе, причемъ раскрывается предъ слушателями философская мудрость древнихъ и новыхъ вѣковъ, такъ что въ Александрійской школѣ возникаетъ христіанское богословіе, какъ наука, и она сама становится философской и богословской школой.

Такимъ образомъ теперь достаточно опредѣлилась наша задача. Съ точки зрѣнія принятаго нами дѣленія въ очеркъ Александрійской школы, мы должны рѣшить теперь слѣду-

¹⁾ Neander. *Tesch. chr. Rel. u. Kirch.* B. III-er, S. 228 (Gatha 1864).

²⁾ Neander B. II-er. S. 250.

³⁾ Klippel Veber. *d. Alex. Museut.* S. 215.

⁴⁾ Такъ Климентъ Ал., напр., ведетъ „тайныя бесѣды“ съ нѣкоторыми изъ слушателей,—съ „совершенными“. *Herzog. Real. Encycl.* I, 241.

ющіе вопросы: вліяла ли, если вліяла, то какъ Александрійская образованность 1) на происхожденіе того отдѣленія или класса въ Александрійской хр. школѣ, въ которомъ воспитывались дѣти христіанъ. 2) на возникновеніе огласительныхъ бесѣдъ съ обратившимися въ христіанство язычниками. 3) на допущеніе необрагившихся язычниковъ и еретиковъ въ Александрійскую школу, гдѣ раскрывалось христіанство, 4) на происхожденіе класса для образованія пастырей церкви. 5) на научную высоту катехетовъ и 6) на введеніе Св. Писанія какъ главнаго предмета преподаванія, и на философско-научное направленіе въ изученіи Свящ. Писанія и вообще христіанства. Естественно намъ при этомъ обращать большее вниманіе на такія черты, которыя составляютъ существенное отличіе Александрійской хр. школы отъ другихъ подобныхъ ей школъ, потому что въ такомъ случаѣ уже заранѣе можно предсказать весьма сильное, если не исключительное, вліяніе мѣстныхъ условій.

1) Христіанская Александрійская школа учитъ дѣтей не одной только христіанской вѣрѣ, но и наукамъ энциклопедическимъ. изъ которыхъ мы знаемъ о грамматикѣ, арифметикѣ, геометріи, риторикѣ, поэзіи, музыкѣ, исторіи и философіи ¹⁾ и др. подобныхъ свѣтскихъ наукахъ, которыя во главѣ съ философіей, по Клименту, ведутъ къ мудрости ²⁾. Такимъ образомъ является вопросъ, имѣла ли въ какой мѣрѣ Александрійская образованность отношеніе къ внесенію этихъ наукъ въ христіанскую школу.

Правда, христіанство не подавляетъ естественныхъ силъ человѣка и не исключаетъ развитія личной самодѣятельности: напротивъ оно даже требуетъ отъ христіанина внимательно относиться къ своимъ силамъ, развивая ихъ подобно умножавшимъ таланты; поэтому христіанская церковь всюду должна была требовать воспитанія дѣтей. образованія ихъ не только въ духѣ христіанства, но и вообще развитія умственныхъ и другихъ лучшихъ силъ человѣческой природы, требовало такимъ образомъ элементарныхъ, по крайней мѣрѣ, школъ для воспитанія христіанскаго юношества. Образовательнымъ

1) У Евсев. Ц. И. VI кн. и у Климъ въ I кн. Строматъ

2) Strom. lib. I p 15 въ Труд. К. Ак. 1860 г. кн. 3, 99—100

средствомъ и являлись энциклопедическія науки, какъ смотрѣли на нихъ сами учителя христіанскихъ школъ ¹⁾; но какъ лучше всего сдѣлать: заставить ли христ. юношество ходить въ школы языческія за неимѣніемъ ихъ въ самой христ. церкви, или отклонить его отъ школъ языческихъ и устроить свою, христіанскую образовательную школу? Не говоря о томъ, что первое не вездѣ было возможно по случаю часто свирѣпствовавшей противъ христіанъ вражды язычниковъ, пастырямъ церкви естественно было придти къ мысли о томъ, что христіанское юношество, занимаясь и постоянно сталкиваясь съ язычествомъ въ языческихъ школахъ, легко можетъ уклониться къ язычеству, такъ какъ ничѣмъ не обезопасено отъ вліянія этого послѣдняго. Итакъ лучшее было завести свои христіанскія школы для юношества (особенно въ то время, когда христіанскія общины значительно расширились), тѣмъ болѣе, что нужно же было знакомить это юношество съ христ. вѣроученіемъ. Все это показываетъ, что идея образовательной школы лежала въ самомъ христіанствѣ и отсюда вышла; слѣдовательно исходной точкой для начала образовательной хр. школы служить прежде всего само христіанство и интересъ церкви. Однако такое положеніе нисколько не исключаетъ мысли о благопріятныхъ условіяхъ для возникновенія такой школы въ данной мѣстной церкви. Поэтому и можетъ имѣть свое значеніе вопросъ о благопріятномъ вліяніи Александрійской образованности на происхожденіе первоначальнаго элементарно-образовательнаго класса въ Александрійской христ. школѣ.

Не рѣдко бываетъ, что идея остается не выполненною въ жизни до тѣхъ поръ, пока внѣшнія обстоятельства и условія не вызываютъ ея реализаціи. Такъ и теперь, въ отношеніи къ идеѣ общеобразовательной хр. школы. Эта послѣдняя могла и даже должна была раньше явиться именно въ такой христіанской общинѣ, члены которой люди образованные, и которая находится въ мѣстѣ процвѣтанія образованности. Школа тамъ какъ бы вызывается самымъ складомъ жизни. А такимъ мѣстомъ и была Александрія.

¹⁾ Напр. Климентъ въ I и VI кн. Стром.—въ Тр. К. А. 1860 г. кн. 3, 91—2 и 98—9

Историки отзываются о ней, какъ „центрѣ образованнаго міра“ и „сѣдалищѣ учености“, какимъ она продолжала быть и въ первые вѣка по Р. Х., такъ что сюда продолжаютъ сѣзжаться жаждущіе образованія юноши языческаго міра ¹⁾. И если въ Александрійскомъ музеѣ въ эти вѣка преподаваніе грамматики въ широкомъ смыслѣ этого слова, математики и медицины на столько пользовалось уваженіемъ и славою, что привлекало къ себѣ изъ отдаленныхъ странъ юношество ²⁾, то тѣмъ болѣе мы должны допустить, что музей достигъ своей цѣли въ отношеніи къ самимъ александрійцамъ ³⁾, т. е. пробудилъ въ нихъ любовь къ энциклопедическимъ наукамъ, какъ полезнымъ во многихъ отношеніяхъ; такимъ образомъ Александрійское общество, если не все, то въ немалой своей части было на сторонѣ энциклопедическаго образованія. И такъ по отношенію къ занимающему насъ вопросу мы получаемъ слѣдующій выводъ. Многія александрійцы, обращаясь къ христіанству не могли примириться съ мыслию о томъ, чтобы дѣти ихъ лишились того образованія, пользу котораго они и сознали и, быть можетъ, испытали. По этому не будь школы въ христіанской церкви, они пустили бы своихъ дѣтей въ школы языческія и потому церковь, имѣя уже въ себѣ идею своей, христіанской школы, подъ вліяніемъ этого внѣшняго требованія яснѣе сознала и реализировала ее, взявъ на себя воспитаніе христіанскихъ дѣтей. Такимъ образомъ очевиднымъ становится то содѣйствіе, какое оказала Александрійская образованность въ устройствѣ образовательной христ. школы (*διδασκαλείου*) въ Александріи. Идея христ. общеобразовательной школы создается самимъ христіанствомъ и создается въ другой разъ научнымъ значеніемъ Александріи, въ силу котораго христіанское *διδασκαλείου* съ программой подобныхъ языческихъ училищъ Александріи сдѣлалось мѣстной потребностію. И если вообще чѣмъ сильнѣе потребность чего нибудь, тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе связываетъ себѣ удовлетвореніе, то мы имѣемъ право

1) См Klippe 228.

2) *ibid.*

3) *ibid* 113.

сказать, что христ. образовательная школа скорѣе должна была явиться и пышнѣе обставиться именно въ Александріи, такъ какъ потребность въ такой школѣ сознавалась здѣсь сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо, въ силу того положенія, какое занималъ этотъ городъ въ современномъ образованномъ мірѣ. По крайней мѣрѣ къ этому ведетъ сравнительное изученіе благоприятныхъ происхожденію хр. образовательной школы условій въ Александріи и другихъ современныхъ городахъ.

2) Александрійская христ. школа съ самаго начала своего существованія; какъ можно догадываться, была и огласительнымъ заведеніемъ, т. е. служила мѣстомъ бесѣдъ съ только-что обратившимися въ христіанство язычниками объ истинахъ христіанской вѣры. Пока мы не будемъ обращать вниманія на характеръ этихъ бесѣдъ, о чемъ придется говорить въ своемъ мѣстѣ, и пока, такимъ образомъ, будемъ разсматривать Александрійскую школу только какъ мѣсто огласительныхъ бесѣдъ, мы не можемъ говорить о вліяніи на происхожденіе этихъ бесѣдъ Александрійской образованности,—и вотъ почему. Огласительныя бесѣды сами собою конечно предполагаютъ своимъ предметомъ христ. вѣроученіе въ опредѣленномъ объемѣ; посредствомъ ихъ катехеты знакомятъ оглашаемыхъ съ истинами христ. вѣры. Единственной причиною, вызвавшей такія бесѣды, а съ ними и школу, какъ мѣсто для нихъ, была потребность знать, какую именно религію исповѣдуетъ христіанинъ, чтобы сзумѣть отличить ее отъ языческой религіи и христіанской ереси. Естественно въ этомъ случаѣ первоначальными учителями оглашаемыхъ быть пастырямъ церкви,—преемникамъ апостоловъ, получившихъ заповѣдь объ учительствѣ, а затѣмъ лицамъ, избраннымъ съ вѣдома и благословенія этихъ пастырей. По этому огласительная школа является въ каждой церкви, если послѣдняя получила нѣкоторую организацію, и потому мы видимъ такого рода школы всюду, гдѣ только есть епископскія кафедръ. Такимъ образомъ о вліяніи какой либо и въ частности Александрійской образованности на происхожденіе огласительныхъ бесѣдъ не можетъ быть и рѣчи. Образованный, равно какъ необразованный одинаково долженъ учиться тому, что соглашается исповѣ-

дывать, какъ свою религію, такъ что образованность и не образованность въ отношеніи къ этой потребности совершенно не различаются. Совсѣмъ иное дѣло въ отношеніи къ постановкѣ—характеру и направленію бесѣдъ;—въ этомъ дѣйствительно могло сказаться и сказалось въ Александріи вліяніе образованности; но раскрытіе этого вліянія выходитъ за предѣлы настоящей рубрики и будетъ имѣть мѣсто впереди.

3) Между тѣмъ какъ первоначально Александрійская огласительная школа была открыта исключительно для принявшихъ уже христіанство и крещенныхъ, впослѣдствіи съ распространеніемъ христіанской церкви въ Александріи сюда идутъ, и въ большомъ количествѣ, язычники, и такимъ образомъ Александрійская огласительная школа мало по малу становится миссіонерскимъ учрежденіемъ. Спрашивается, не участвовала ли въ данномъ расширеніи круга слушателей и вмѣстѣ цѣли Александрійской огласительной школы Александрійская образованность? Повидимому, нѣтъ соотношенія между тѣмъ и другой: расширеніе круга слушателей есть чисто внѣшнее обстоятельство, а образованность внутреннее начало, проникающее умъ и другія сокровенныя силы чело-вѣка. Но соотношеніе однако можетъ быть. Образованность служитъ началомъ въ жизни, проявляется во внѣшнихъ учрежденіяхъ и служитъ причиною внѣшнихъ событій. Могла она такимъ образомъ дѣйствовать и въ данномъ случаѣ. Впрочемъ мы можемъ указать лишь ея содѣйствіе, но не исключительное дѣйствіе въ данномъ явленіи. Въ Александріи, какъ извѣстно, издавна еще сошлись самыя разнообразныя философскія системы и религіозныя вѣрованія, всѣ онѣ пользовались здѣсь правами гражданства въ силу самаго состава городского населенія, произошелъ взаимный обмѣнъ идей и развилась вѣротерпимость. Какъ скоро появилось христіанство, то и оно здѣсь не встрѣтило, по крайней мѣрѣ среди образованнаго сословія, такой сильной и грубой оппозиціи, какъ въ другихъ частяхъ римской имперіи. Христіанскіе сектанты, греческіе философы, египетскіе жрецы, іудейскіе и восточные волхвы жили здѣсь покойно рядомъ другъ съ другомъ ¹⁾, и христіанскіе юноши безпрепятственно

¹⁾ Encyklop. Ersch's u. Gruber's I. S. III-er Th. S. 53.

посѣщаютъ языческія школы ¹⁾. На эту вѣротерпимость образованнаго Александрійскаго язычника въ отношеніи къ христіанству указываетъ еще императоръ Адріанъ, говоря: „служители Сераписа въ Александріи суть христіане“ ²⁾. Мы даже знаемъ болѣе этой простой вѣротерпимости. Извѣстно стремленіе Александрійскаго ученаго къ еkkлектизму въ религіозномъ и философскомъ міровоззрѣніи,—стремленіе, которое повело къ усвоенію имъ идей восточной, между прочимъ и іудейской, религіи, такъ что мы имѣемъ поэтому право предполагать въ образованномъ александрійцѣ научный интересъ къ христіанской религіи. Проще говоря, еkkлектизмъ, которымъ проникнуть духъ Александрійскаго философа, тянетъ его къ ознакомленію съ христіанской религіей, изъ которой онъ думалъ что нибудь заимствовать. По крайней мѣрѣ объ Аммоніѣ Саксѣ, основателѣ неоплатонической философіи, въ которой вполне выразился духъ Александрійской образованности ³⁾, мы знаемъ, что онъ внесъ въ свое міровоззрѣніе христіанскія идеи ⁴⁾, и такимъ образомъ не безъ основанія можемъ предполагать, что александріецъ вслѣдствіе направленія своей философской науки тянулъ въ Александрійскую огласительную школу, гдѣ можно было ознакомиться съ новой христіанской религіей. Итакъ созданное положеніемъ Александріи стремленіе къ еkkлектизму благопріятствовало съ одной стороны появленію въ Александрійской огласительной школѣ язычниковъ тѣмъ, что заставляло ихъ идти сюда. Подобнымъ же образомъ благопріятствовала этому Александрійская образованность и съ обратной стороны, вызывая катехетовъ на уступку требованіямъ Александрійской вѣротерпимости и на допущеніе къ слушанію своихъ бесѣдъ язычниковъ. Пока христіанская община въ Александріи не была еще достаточно широка и пока на каедрѣ огласительной школы не явился въ силу этого образованный александріецъ или, по крайней мѣрѣ, проникнутый Александрійскою образованностію человѣкъ — такъ какъ образован-

1) Какъ валр. Оригенъ.

2) *Vopisc. vit. Saturnin.* въ *Encycl. Ersch's ibid.*

3) *Tzschirner. Der. fall, d. Heidenthums.* 407.

4) *Ibid.* 377.

ные, какъ извѣстно, стали обращаться позже народной массы, — до тѣхъ поръ нѣтъ въ христіанской Александрійской школѣ язычниковъ, въ ней собираются только „вѣрные“. Но при достаточномъ размноженіи членовъ Александрійской церкви и язычники появляются въ качествѣ слушателей оглашеній. Это фактъ. Хотя онъ не сложенъ, не опредѣленъ и до того общъ, что почти нельзя уловить рельефныхъ деталей его, однако онъ, рефлексированный указаннымъ нами способомъ, служитъ въ нѣкоторой степени подтвержденіемъ тому, что мы хотимъ высказать. Лишь только на каюедрѣ Александрійской христіанской школы явился такой, изъ среды Александровской образованности вышедшій, катехетъ. онъ уже самымъ направленіемъ послѣдней, естественно, былъ приученъ къ кроткому, миролюбивому отношенію къ язычникамъ и потому доставляетъ имъ свободный входъ въ Александрійскую школу. Говоря о такой вѣротерпимости ученыхъ Александрійской церкви, Адрианъ въ указанномъ нами мѣстѣ замѣчаетъ еще: „и христіанскіе епископы Александріи предались культу Сераписа“. Хотя это очевидно преувеличеніе. тѣмъ не менѣе ясно указываетъ на снисходительное и братское отношеніе христіанскихъ учителей Александріи къ языческому населенію города. Слѣды такой вѣротерпимости христіанскихъ Александрійскихъ катехетовъ сохранились наконецъ въ самомъ направленіи ихъ сочиненій, гдѣ христіанство протягиваетъ братски руку язычеству, признавая въ немъ многое родственнымъ себѣ, такъ что въ концѣ концовъ становится несомнѣннымъ благоприятное дѣйствіе Александрійской образованности и съ этой, второй, стороны, со стороны самихъ катехетовъ. Александріецъ — язычникъ подь благоприятнымъ вліяніемъ мѣстной образованности идетъ въ школу и здѣсь катехетъ подь тѣмъ же вліяніемъ отворяетъ ему двери. Обращая вниманіе на положеніе Александріи и на духъ, проникавшій ея образованную среду, мы должны сказать, что всего болѣе именно здѣсь должны были идти въ христіанскую школу язычники и всего болѣе именно здѣсь — развиться миссіонерское значеніе ея. А въ пользу этого и дѣйствительно говорить сравнительное изученіе количества язычниковъ — посѣтителей Александрійской и другихъ школъ.

4) Въ первые вѣка христіанства былъ чувствительный недостатокъ въ богословскихъ образовательныхъ заведеніяхъ

для духовнаго сословія. „Александрійское было сначала единственнымъ“ въ такомъ родѣ—говорить Неандеръ ¹⁾. Такимъ образомъ мы имѣемъ право предполагать дѣйствіе мѣстныхъ причинъ въ томъ, что богословская школа, какъ такая, возникла въ Александріи раньше, чѣмъ въ другихъ не менѣе замѣчательныхъ городахъ. Правда, мы не можемъ сказать, что исключительно мѣстныя причины заставили вообще давать образованіе будущимъ пастырямъ церкви и ввести такимъ образомъ въ Александрійской школѣ спеціально-богословскій классъ,—не можемъ именно потому, что онъ рано или поздно явился во многихъ школахъ. Но тѣмъ не менѣе несомнѣнно дѣйствіе собственно Александрійскихъ условій въ сравнительно раннѣйшемъ появленіи этого класса въ школѣ Александрійской. Между такими условіями не послѣднее мѣсто занимаетъ и Александрійская образованность. дѣйствіе которой въ данномъ случаѣ можетъ быть скоро усмотрѣно.

Научный аристократизмъ ²⁾ царилъ въ этомъ царствѣ языческой мудрости, — аристократизмъ заставлявшій различать образованныхъ и необразованныхъ, первые презирали послѣднихъ, какъ это выразилось напр. въ гностицизмѣ. Если, теперь, зараженные такимъ аристократизмомъ образованные мужи Александріи обращались къ христіанству, то и здѣсь, не смотря на проповѣдь о всеобщемъ равенствѣ, они не могли же скоро отрѣшиться отъ своей задумшевной идеи, обратившейся въ правило для ихъ общественныхъ отношеній. Оппозиція такому аристократизму не могла имѣть существеннаго значенія. Потому мы и видимъ слѣды такого аристократизма въ самыхъ катехетахъ Александрійской богословской школы, которые раздѣляютъ послѣднюю на 2 отдѣленія, внутреннее (какъ бы эсотерическое) и внѣшнее (ексотерическое), и слушателей на 2 разряда, на совершенныхъ (τέλειοι) и несовершенныхъ (ἀτελέστεροι) ³⁾; и замѣчательно, что такое дѣленіе строже всего наблюдалось въ

1) 3 Th s. 228.

2) Neander, 2 т., с. 40

3) Дух. В. 1862. кн. 3, стр. 32

Александріи ¹⁾. Такимъ образомъ сами александрійскіе учителя церкви были заражены аристократизмомъ, хотя онъ выразился не въ наукѣ, но въ пониманіи вѣры и въ сравнительно слабѣйшей степени. Поэтому съ большею вѣроятностію мы можемъ предполагать дѣйствіе александрійскаго аристократизма на образованіе пастырей церкви. Эти послѣдніе должны быть, по церковному канону, руководителями церковной общины, стоять впереди паствы и помогать ей между прочимъ совѣтами. Но какой же можетъ быть совѣтъ отъ необразованнаго образованному и какъ можетъ быть онъ принятъ, если образованный смотритъ съ презрѣніемъ и свысока на непосвященнаго въ тайны науки? Отсюда естественно требованіе, чтобы пастырь церкви былъ, такъ сказать аристократомъ и въ вѣрѣ, и въ наукѣ, т. е. получилъ образованіе. Но чтобы этотъ аристократизмъ былъ не болѣе, какъ только необходимымъ удовлетвореніемъ внѣшнему требованію, — со стороны образованности, и чтобы не стоялъ въ противорѣчій съ христіанскимъ воспитаніемъ будущаго пастыря, онъ отнюдь не долженъ былъ простирается до излишества, — до презрѣнія необразованныхъ членовъ паствы, и долженъ былъ выражаться лишь въ научномъ (не говоря о нравственномъ) возвышеніи пастыря надъ уровнемъ многихъ. Правда такой научный аристократизмъ былъ общимъ достояніемъ тогдашняго образованнаго міра и потому всюду могъ дѣйствовать подобнымъ образомъ; но это нисколько не говоритъ противъ нашего предположенія о дѣйствіи аристократизма въ сравнительно раннѣйшемъ развитіи Александрійской школы до степени богословскаго учебнаго заведенія. Чѣмъ сильнѣе и распространеннѣе аристократизмъ, тѣмъ конечно богаче почва для развитія образовательно - богословскаго заведенія. Но въ Александріи, какъ центрѣ наукъ и особенно философіи, которой преимущественно былъ свойственъ аристократизмъ, понятно, сильнѣе и шире, чѣмъ гдѣ либо, долженъ былъ проявляться этотъ послѣдній; а потому сильнѣе долженъ былъ раздаваться его голосъ о необходимости образованія пастырей церкви, и отсюда — раньше должно

¹⁾ Дух. В. того же года 33 стр.

было явиться специально-богословское отдѣленіе Александрійской школы.

Крѣмъ этого, непосредственнаго содѣйствія александрійской образованности въ разсматриваемомъ нами явленіи мы можемъ указать еще другое, посредственное. Гностицизмъ, разнообразно выражавшійся въ частныхъ гностическихъ системахъ, находить въ первыхъ вѣкахъ христіанства колыбель и пріютъ себѣ въ Александріи. Образованность Александрійская сдѣлалась матерью этого гностицизма, поскольку онъ стремился соединить въ себѣ науку съ христіанствомъ. Понятно, что пастыри церкви должны были заботиться о прекращеніи развитія этого рода ересей. Но прекратить, или, по крайней мѣрѣ, сдерживать это развитіе можно было не иначе, какъ опроверженіемъ гностицизма и раскрытіемъ въ противоположность ему чистаго христіанства. Такимъ образомъ съ одной стороны должно было пастырямъ церкви предварительно знакомиться съ характеромъ ересей и съ той наукой, на которой онѣ опирались, съ другой, — изучать обстоятельно самое христіанство. Сознаніе такой необходимости и должно было благопріятно дѣйствовать на возникновеніе въ Александріи образовательнаго заведенія для пастырей церкви. Такимъ образомъ потребностію времени, созданной образованностію Александріи, дѣйствовавшей посредственно чрезъ гностическія секты, была оппозиція этимъ послѣднимъ и для нея специальное образованіе пастырей церкви.

И такъ общій выводъ изъ всего сказаннаго по данному поводу тотъ, что идея богословской школы для образованія пастырей церкви нашла себѣ самую благопріятную почву въ Александріи, именно въ тамошней образованности, дѣйствіе которой шло рука объ руку съ требованіемъ церковныхъ интересовъ. Лучше такой почвы нельзя было нигдѣ найти въ то время, и потому идея богословской школы, какъ образовательнаго заведенія для пастырей церкви, прежде всего пробудилась и сама школа-выросла на Александрійской именно почвѣ.

5) Мы уже видѣли, что въ Александрійской христ. школѣ учили наукамъ энциклопедическимъ, знакомили съ характеромъ ересей и съ философскими системами, поскольку онѣ

входили главнымъ образомъ въ гностическія секты. Такимъ образомъ сами учителя должны уже были знать то, чему учили другихъ, и если постановкѣ этихъ предметовъ преподаванія благопріятствовала образованность Александрійскаго общества, то уже можно говорить, что она вліяла и на научную высоту катехетовъ посредственнымъ образомъ. Но этого мало. Всесторонняя образованность, сдѣлавшаяся — безъ преувеличенія можно сказать — свойствомъ всѣхъ катехетовъ Александрійской школы ¹⁾ (беремъ опять намѣченный нами періодъ), вызывалась тою же Александрійскою образованностію еще инымъ, непосредственнымъ путемъ. Мы даже должны категорически высказать такое положеніе: пока въ Александрійской огласительной школѣ были слушателями только лица изъ низшаго сословія, не нужно было высоко образованнаго учителя, достаточно было знать лишь тѣ энциклопедическія науки и философіи и въ той программѣ, какія и въ какой нужно было для христіанскихъ дѣтей, учившихся въ этой школѣ. Но мало помалу тянуть къ христіанству не удовлетворенные язычествомъ образованные его представители и идутъ слушать огласительныя бесѣды въ Александрійскую христіанскую школу; идутъ сюда и ищущіе повсюду истины, но не обратившіеся еще къ христіанству язычники и выдѣлившіеся изъ церкви еретики. Однимъ изъ послѣдствій этого необходимо должна была явиться всесторонняя и свѣтская образованность наставлявшихъ въ школѣ катехетовъ. Какъ она слѣдуетъ изъ предъидущаго и какое здѣсь можно видѣть вліяніе образованности Александрійскаго общества — мы теперь раскроемъ.

Нужно стоять слишкомъ твердо на современной намъ почвѣ школьнаго формализма, чтобы представлять себѣ преподаваніе въ огласительной Александрійской школѣ подобнымъ настоящему преподаванію въ учебныхъ заведеніяхъ. Правда, въ обученіи дѣтей, что составляло часть дѣятель-

1) Клиппель, перечисляя по порядку всѣхъ, бывшихъ въ этотъ періодъ, катехетовъ, называетъ ихъ „ученѣйшими“ предстоятелями Александр. школы (215 стр.). А Чирнеръ говоритъ, что въ малой Азіи мало было ученыхъ за это время, между тѣмъ какъ тамъ была школа, подобная Александрійской (379 стр.) мы же замѣтимъ, что еще меньше ихъ было въ Африканской церкви, гдѣ гнушались свѣтскою образованностію, какъ языческою.

ности Александрійской христ. школы, этотъ формализмъ имѣлъ полное приложеніе. Но совсѣмъ иной методъ былъ полезенъ и дѣйствительно практиковался въ оглашеніи приходившихъ въ школу взрослыхъ слушателей. Въ древнихъ философскихъ школахъ, съ которыми имѣетъ большое сходство Александрійская огласительная школа, мы видимъ свободныя бесѣды; ихъ же видимъ и во многихъ церквахъ 1-го и 2-го в. ¹⁾. Такимъ же образомъ велось преподаваніе и въ Александрійской огласительной школѣ. Она, какъ такая, была просто мѣстомъ бесѣдъ о христіанской вѣрѣ. Григорій чудотворецъ въ своемъ „Панегерикѣ Оригену“ говоритъ, что послѣдній въ дружескихъ бесѣдахъ напередъ изучалъ слушателей, — „какъ искусный земледѣлецъ, онъ не останавливался на томъ только, что видимо и открыто, но взрывалъ почву, чтобы узнать, что она скрывала, предлагая намъ вопросы и проблемы, и слушая наши отвѣты“ ²⁾. О такомъ же методѣ преподаванія свидѣтельствуетъ и самъ Оригенъ, когда требуетъ отъ учителей, чтобы они, по примѣру Христа, не гнѣвались, если имъ будутъ предлагать вопросы не изъ жажды знанія, но только съ цѣлю испытать ихъ ³⁾. Понятно для того, чтобы удовлетворять желанія вопрошающихъ, нужно было учителямъ умѣть отвѣчать. Не согласно было съ интересами церкви отталкивать обращающихся ко Христу образованныхъ мужей, которые не мирятся съ смутными представленіями, но ищутъ яснаго усвоенія новой религіи, — отталкивать, не давая имъ такого усвоенія: „грядущаго ко Мнѣ не измену вонь“ — говорилъ Христосъ ⁴⁾, уча Своихъ преемниковъ поступать также. Такимъ образомъ необходимо было учителямъ Александрійской христ. школы стоять на одинаковомъ, если не выспемъ, уровнѣ развитія и образованія съ лучшими изъ своихъ слушателей. Если даже мы предположимъ, что вопросы оглашаемыхъ касались исключительно религіозныхъ пунктовъ, которые они хотѣли представить себѣ съ надлежащею ясно-

1) Такія бесѣды вели напр. св. Іоаннъ Богословъ, Поликарпъ, Іустинъ и др.

2) въ Ар. Акад 1865. іюль, 314.

3) Neander's Gesch. 2, 249.

4) Іоанна VI, 37.

стію, то и тогда мы должны допустить діалектическое образованіе катехетовъ для выхода изъ затрудненій. „Нужно діалектическое образованіе духа — говоритъ Климентъ Александрійскій, — чтобы умѣть отличать надлежащимъ образомъ двузначащія и синонимическія слова Писанія“ ¹⁾. Но нельзя думать, чтобы только религіи касались эти вопросы оглашаемыхъ. Образованный александріецъ сжился съ изученными имъ науками, онъ не могъ оставить ихъ и въ христіанствѣ. Такимъ образомъ складу такого александрійца соотвѣтствовало научное изложеніе какого бы то ни было предмета. По этому, слушая катехета, онъ требовалъ научнаго изложенія и обоснованія религіозныхъ истинъ. А такъ какъ въ Александріи необходимымъ требованіемъ отъ научнаго изложенія предмета было опредѣленіе того мѣста, какое занимаетъ онъ въ отношеніи къ другимъ ²⁾, то отсюда естественны вопросы объ отношеніи христ. религіи къ другимъ предметамъ изученія. А это требуетъ научнаго образованія катехета, тѣмъ болѣе, что подобные вопросы по привычкѣ излагались въ научной формѣ, не всегда понятной для необразованнаго научно. Наконецъ, если стремленіе къ философіи, какъ науки, необходимой для всѣхъ реальныхъ наукъ и религіи ³⁾, съ силою заявляло о себѣ въ умахъ Александрійцевъ особенно разсматриваемаго времени, если въ христ. александрійскую школу собирались ⁴⁾ приверженцы личныхъ философскихъ системъ, которыя столпились въ Александріи; то необходимо предположить, что постоянно съ устъ образованныхъ и философовъ сходили вопросы не только объ отношеніи религіи къ философіи вообще, но и въ частности къ многочисленнымъ ея системамъ. Это должно было являться въ Александріи какъ насущный вопросъ и насущное требованіе отъ катехетовъ христ. школы. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и удовлетворить этому требованію, становится необходимымъ

¹⁾ Strom. lib. I, t. 292, въ Neander's Gesch. 2, 256.

²⁾ Parthey Das. Alex. Museum, 204.

³⁾ *ibid.* s. 203.

⁴⁾ Евсеій говорить, въ христ. школу Александріи шли *φιλοσόφων τε μάλιστα Ἐπιφανῶν οὐκ ὀλίγοι* (Церк. Ист. VI, 18).

для катехетовъ философское образованіе. Не имѣть его и такимъ образомъ неудовлетворить жаждѣ образованныхъ язычниковъ значило или заставлять ихъ раздваиваться между наукой и христ. вѣрой, или отталкиваться отъ христіанства, такъ какъ съ наукой они не могли разстаться. Чѣмъ болѣе шло образованныхъ мужей въ огласительную школу и чѣмъ болѣе шло именно такихъ, которые еще не имѣли желанія принять христіанство, или которые уже отступили отъ церкви, какъ еретики, тѣмъ болѣе открывалась и тѣмъ сильнѣе чувствовалась катехетами эта потребность философскаго и научнаго образованія. Отъ лицъ, еще преданныхъ язычеству и ереси и приходившихъ въ школу часто для того, чтобы „испытывать учителей христіанскихъ“, какъ говоритъ Оригенъ, естественно было слышать отстаиваніе своихъ мнѣній и представленіе ихъ истинными въ противоположность тому христіанству, которое раскрывалось въ школѣ; естественно было имъ требовать защиты хрис. вѣры и опроверженія языческой религіи, философскихъ системъ несогласныхъ съ христіанствомъ еретическихъ мнѣній. Особенно много шло въ огласительную школу еретиковъ: они собирались здѣсь, какъ замѣчаетъ Евсевій, въ безчисленномъ множествѣ¹⁾. Здѣсь они заводили состязанія съ катехетами²⁾, которые, чтобы не уронить въ своемъ лицѣ истиннаго христіанства, не должны были отказываться отъ этихъ состязаній. Но такъ какъ еретики Александрійскіе были гностики, которые въ своихъ системахъ рѣшали многіе философскіе вопросы, то естественно было ожидать постановки такихъ же вопросовъ и въ христіанской школѣ; и дѣйствительно Оригенъ между такими вопросами ставитъ вопросы о вѣчномъ началѣ всего сущаго, о духѣ и матеріи, добрѣ и злѣ, о человѣческой свободѣ и др.³⁾. „Еретики подражаютъ Платону, Епикуру, Зенону или Гераклиту; они заимствовали отъ Аристотеля свою ложную діалектику, все стараются объяснить“...—говоритъ Тертуліанъ⁴⁾. Такимъ образомъ нужно было бороться противъ

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Дух. В. 1862 г. т. III, стр. 12.

³⁾ Въ περὶ ἀρχῶν и Comment. in Joh.—См. Д. В. стр. 12.

⁴⁾ Прескрипт. гл. 7.

нихъ знающимъ философію, нужно было катехетамъ изучать ее. Такъ и говоритъ тотъ же Тертуліанъ: ¹⁾ „если въ лонѣ церкви еще занимаются философами, то причиною тому еретики, ихъ послѣдователи“.

Итакъ образованность слушателей въ Александрійской огласительной школѣ полагаетъ начало многосторонней учености ея катехетовъ. И едва ли гдѣ либо потребность въ этой учености ощущалась учителями огласительныхъ школъ съ такою силою, какъ именно въ Александріи, — въ этомъ центрѣ тогдашняго образованнаго міра и въ мѣстѣ языческой науки. Такъ дѣйствовалъ и историческій законъ въ образованіи одной изъ существенныхъ чертъ Александрійской христ. школы за разсматриваемый нами періодъ: катехетъ ея сталъ научно образованнымъ человѣкомъ потому, что образованы многіе изъ его слушателей. „Большое число еретиковъ и людей знакомыхъ съ греческими науками, особенно съ философіей, стали приходить слушать меня — говоритъ Оригенъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ²⁾); — тогда я нашелъ, нужнымъ основательно изучить догматы еретиковъ и все, что философы выдавали за истину“. Понятно, что, говоря такъ, онъ ставитъ приходъ въ школу образованныхъ лицъ и свое стремленіе къ изученію философіи и наукъ въ отношеніе прежде и послѣ, или въ отношеніе причины и дѣйствія. Потому-то онъ счелъ нужнымъ слушать Аммонія Сакея, когда увидѣлъ, что въ огласительную школу идутъ зараженные его идеями.

Какъ скоро такимъ образомъ историческій законъ выдвинулъ на каѳедру Александрійской христ. школы учителя, получившаго свѣтское образованіе, открылась и другая причина, которая побудила также къ особенной осмотрительности въ выборѣ катехета, потребовала ученыхъ преемниковъ первому ученому катехету.

Первые замѣчательные по научному образованію катехеты Александрійской школы, открывающіе собою рядъ другихъ неменѣ замѣчательныхъ, вышли изъ языческой среды (таковы Пантекъ и Климентъ). Познакомившіеся и сжившіеся съ языческой наукой, эти катехеты естественно должны были

¹⁾ Свидѣт. о душѣ гл. 1—3.

²⁾ Евсев. Ц. И. VI, 19.

испытывать до принятія христіанства внутренній процессъ все большаго и большаго недовольства языческой религіей и философіей, а при и по обращеніи къ христіанской религіи— процессъ примиренія съ ней науки. Память объ этомъ двойномъ умственномъ процессѣ дала имъ мысль помогать образованнымъ слушателямъ въ выходѣ изъ подобнаго процесса, — помогать научнымъ опроверженіемъ язычества съ его религіей и философіей, научнымъ изслѣдованіемъ христіанства и соглашеніемъ его съ языческою мудростію. И такое научное преподаваніе, поскольку оно соотвѣтствовало требованію современниковъ, должно было тянуть въ школу все большее и большее число язычниковъ, которые охотно перебѣгали отъ одной школы къ другой, ища всюду удовлетворенія. Создавалась такимъ образомъ въ умахъ катехетовъ новая цѣль школы, миссіонерская—по отношенію къ необратившимся еще язычникамъ, и воспитательная—по отношенію къ оглашаемымъ. Эта двойная цѣль, передаваясь, какъ наслѣдство школы, отъ одного учителя къ другому, и вызываетъ особенную осмотрительность въ выборѣ катехета, требуетъ отъ него научнаго образованія. Конечно и здѣсь главнымъ образомъ полезно было знаніе философіи и вообще философское развитіе ума, но не оставались безъ пользы для доказательства различныхъ положеній вѣры и для уразумѣнія ея тайнъ и другія, положительныя знанія, въ родѣ историческихъ и др. Особенно полезна философія для тѣхъ, кто принимаетъ вѣру не иначе, какъ на основаніи доказательствъ — говорить въ одномъ мѣстѣ Климентъ Алекс. ¹⁾. А въ другомъ — замѣчаетъ: „кто хочетъ излагать полезное, для пользы наставляемыхъ и особенно если они эллины, тотъ не долженъ подобно неразумнымъ животнымъ презирать многое при ученіи, но долженъ собирать столько вспомогательныхъ средствъ для своихъ слушателей, сколько возможно ²⁾... Всякое образованіе полезно, и особенно необходимо изученіе Св. Писанія, чтобы можно было доказать то, что предлагаемъ, и особенно если слушатели получили эллинское образованіе ³⁾“.

1) Strom. C. I p 13 въ Тр. Акад. 1860, 96.

2) *ibid* VI, t. 659 В. у Neander'a II, 249

3) *ibid*. VI, t. 660 С. у Neander'a II, 249.

Итакъ научная высота катехетовъ Алек. школы явилась, какъ необходимое слѣдствіе Александрійской образованности. Мы различили двоякое дѣйствіе послѣдней въ данномъ случаѣ. Одно шло, такъ сказать, отвнѣ внутрь школы чрезъ посредство образованныхъ посѣтителей ея, предлагавшихъ научно-философскіе вопросы катехетамъ, а другое—изнутри самой школы чрезъ катехетовъ въ формѣ цѣли, поставленной ими для своихъ занятій подъ вліяніемъ того положенія, какое было нѣкогда вызвано въ нихъ ихъ образованностію и христіанствомъ, и какое было едва ли не всеобщимъ въ массѣ образованныхъ лицъ Александріи въ этотъ періодъ броженія умовъ. Выполнить это высокое требованіе, созданное Александрійскою образованностію, для катехетовъ христ. школы едва ли гдѣ нибудь было въ такой мѣрѣ удобно, какъ именно въ Александріи, создавшей самое требованіе. Здѣсь, какъ мы знаемъ, была открыта для нихъ громаднѣйшая въ мірѣ бібліотека, по примѣру которой стала создаваться и собственная при Александрійской огласительной школѣ ¹⁾; здѣсь были открыты для нихъ аудиторіи музея, куда шли отовсюду образованные мужи; здѣсь наконецъ было много частныхъ философскихъ школъ, доступъ въ которыя также не былъ возбраненъ для христіанскихъ учителей (какъ показываетъ примѣръ Оригена); такъ что съ различными философскими системами, имѣвшими между современниками приверженцевъ, можно было познакомиться изъ устъ самихъ же приверженцевъ, (а иногда и основателей) этихъ системъ. Такимъ образомъ въ одной Александріи куда стекались всѣ замѣчательныя произведенія въ области духа, можно было удобно изучить все нужное для выполненія созданнаго требованія, не предпринимая путешествій, и такимъ образомъ Александрійская образованность, создавая требованіе касательно научной высоты катехетовъ, сама же благопріятствовала и выполненію его. Благодаря ей явились такія замѣчательныя лица, какъ Климентъ и Оригенъ, которые своими познаніями далеко возвышаются надъ тѣми не особенно высокими научными требованіями, которыя создавались ихъ обязанностію учить дѣтей и готовить пастырей церкви.

¹⁾ Дух. Вѣстн того же года стр 26.

Изъ нихъ одинъ, Оригенъ, представляетъ особенно убѣдительный примѣръ въ пользу того, въ какихъ благопріятныхъ условіяхъ были въ Александріи сами катехеты, если хотѣли учиться.

6) Между всѣми предметами преподаванія въ александрийской христ. школѣ существеннымъ является Св. Писаніе. Истолкованіе его есть тотъ завершительный пунктъ, къ которому ведутъ, какъ приготовительныя и вспомогательныя средства, энциклопедическія науки и философія ¹⁾. Въ Александрийской школѣ уже не довольствуются изложеніемъ истинъ христ. вѣры элементарнымъ, катехизическимъ, но берутъ въ руки и разъясняютъ самыя книги, содержащія въ себѣ сущность христ. вѣры. Хотя это явленіе создано было уваженіемъ къ самому Св. Писанію, какъ Богодуховенному источнику христ. истинъ, однако нашло себѣ благопріятную сферу въ Александрийской образованности.

„Духъ времени, равно какъ и соединеніе многихъ ученыхъ для одной и той же цѣли, говоритъ Клиппель, ни одной другой наукѣ не могло быть такъ благопріятно, какъ филологіи“, задачей которой было „собрать, приводить въ порядокъ, критиковать и объяснять драгоцѣнныя произведенія литературы“ ²⁾. Александрийскій духъ „очень склонный къ символамъ страстно привязался къ первому изъ всѣхъ—къ человѣческому слову“ ³⁾. Поэтому-то филологія пышно распустилась ⁴⁾, стала „центромъ ученой жизни и дѣятельности“ ⁵⁾ въ Александріи. Если такимъ образомъ филологія процвѣтала здѣсь и если Александрийскіе катехеты имѣли своею задачею доказательство истинной и христ. вѣры предъ язычниками и примиреніе ея съ языческою мудростію, то „въ духѣ времени“ и въ духѣ интересовъ самой Александрийской школы было непосредственно обратиться къ книгамъ Св. Писанія. И замѣчательно, что свящ. книги вошли въ христ. школу Александріи въ то время, когда

¹⁾ Свидѣтельство Григорія чудотв. см. Тр. акад. 1865 іюль 315.

²⁾ 313.

³⁾ Тр. К. А.к. 1865 іюль 266.

⁴⁾ Parthey 111—112.

⁵⁾ Klippel, 313.

въ другихъ церквахъ еще держалось оглашеніе по преданію ¹⁾, и вошли, притомъ, въ ущербъ преданію, съ которымъ теперь нерѣдко стало до противоположности расходиться истолкованіе первыхъ; такъ что съ перваго взгляда на это явленіе уже можно догадаться, что здѣсь дѣйствовало благоприятное вліяніе мѣстныхъ условій Александрии, которыя при анализѣ и сводятся къ одной изъ отраслей ея образованности.

Въ какомъ духѣ преподавался этотъ существенный предметъ бесѣдъ въ Александрійской огласительной школѣ?— вотъ вопросъ, который стоитъ теперь на очереди по намѣченному нами раньше плану.

Разматривая оставшіяся сочиненія христ. учителей Александрии и свѣдѣнія о характерѣ преподаванія христiанской вѣры въ Александ. школѣ, мы видимъ особенно рѣзко выдающуюся черту этой послѣдней;—это именно стремленіе къ философствованію, философская обработка христiанства. Такое направленіе уже можно подмѣтить въ преподаваніи Пантена, перваго представителя школы въ періодъ ея процвѣтанія. Оправдываясь отъ нападеній на изученіе и преподаваніе эллинской мудрости, Оригенъ говоритъ въ одномъ письмѣ, сохраненномъ у Евсевія ²⁾: такъ онъ поступаетъ „слѣдуя примѣру Пантена, который до насъ былъ полезенъ очень многимъ и глубоко посвященъ въ науки этого рода“, т. е. эллинскую философію. Съ большею ясностію выступаетъ философствующій духъ Александрійскаго катехета въ произведеніяхъ позднѣйшихъ учителей Александрійской церкви, особенно у Климента и Оригена. Такое направленіе удерживается въ Алекс. школѣ даже и тогда, когда въ частностяхъ измѣнилось послѣ періода гоненій, такъ что оно вообще можетъ быть признано существеннымъ свойствомъ алекс. христ. школы. Естественно рождается вопросъ, откуда это направленіе? почему не явился здѣсь ригористическій духъ школы Африканской, представители которой подозрительно относились ко всякому философствованію, ко всему тому, что походило на стремленіе къ гносису?

¹⁾ Neander, II, 249.

²⁾ VI, 19.

почему Александрійскій катехетъ не говоритъ подобно Тертуліану ¹⁾, что философія ведетъ къ ереси, но говоритъ напротивъ, что она ведетъ ко Христу ²⁾)?

Часто бываетъ, что великія натуры сообщаютъ тому или другому обществу и общественному учрежденію извѣстное направленіе, которое передается и заправляетъ дѣятельностію его въ продолженіе долгихъ лѣтъ, а иногда и нѣсколькихъ вѣковъ, особенно если находитъ отголосокъ въ духѣ самаго общества, удовлетворяетъ современнымъ потребностямъ. Не могло ли быть и здѣсь подобнаго? Можетъ быть отдѣльныя личности, философски и научно образованныя, двинули дѣятельность Александрійской христ. школы по характеризующему ее направленію, вложили въ нее свой духъ, свои стремленія и образовали ее сообразно съ своими привычками и желаніями! Такія личности дѣйствительно стоятъ во главѣ школы и только со времени ихъ начинается философское направленіе школы. Эти личности Пантенъ и Климентъ, оба обратившіеся къ христіанству отъ языческой философіи и много познавшіе. Складъ ихъ ума уже сдѣлался философскимъ отъ философскаго образованія, иначе они не могли представлять себѣ предметы познанія, какъ въ философской формѣ; они стремились знать отчетливо, логично, систематично. И вотъ это требованіе ихъ духа простирается на христ. вѣру, возникаетъ отсюда научное изложеніе вѣры, рождается богословская наука, которая и остается достояніемъ послѣдующихъ катехетовъ Александрійской школы, заимствовавшихъ у первыхъ свои идеи ³⁾. Такимъ образомъ складъ ума первыхъ представителей христ. Александр. школы становится по этому предположенію складомъ самой школы. Отвѣтъ и проистекаетъ и достаточенъ. Хотя этотъ отвѣтъ, видимо, выставляетъ случайную причину для объясненія даннаго направленія Александр. школы, однако эта причина вовсе не такъ случайна, какъ кажется съ перваго взгляда. Всякому извѣстно, какъ тяжело бываетъ отрѣшиться отъ самыхъ мелкихъ привычекъ. Но что сказать о такихъ, съ

¹⁾ Прескрипт. гл. 7.

²⁾ Климентъ въ своемъ Прогрентикѣ.

³⁾ Такъ напр., Оригенъ развивалъ идеи Климента (Neander, 2 т., 463 стр.).

которыми уже сжился человекъ и которыя глубоко лежатъ въ основѣ его характера и духа, какъ напр. образовавшійся складъ ума и желаній? Если не окончательно невозможно, то, по крайней мѣрѣ, величайшихъ и долгихъ усилій требуетъ измѣненіе этого склада. Такимъ образомъ въ данной причинѣ указанъ нами законъ природы, который, дѣйствуя въ человѣчествѣ, часто служитъ историческимъ закономъ. И дѣйствительно, характеристично то, что, между тѣмъ какъ въ Александр. школѣ во главѣ новаго реформаціоннаго періода стоятъ катехеты—философы по складу ума, въ другихъ огласительныхъ школахъ направленіе ясно обозначилось въ то время, когда тамъ не было ни одного философствующаго катехета. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи связь личности Тертуліана, перваго представителя сѣверо африканской богословской школы, съ направленіемъ этой послѣдней. Правда, самъ онъ былъ всесторонне образованъ, но „его познанія сложились въ его духѣ по выраженію Неандера неорганически, безъ научнаго порядка: его глубокомысліе не было связано съ логическою ясностію“ ¹⁾, такъ что, слѣдовательно онъ не былъ философъ; по своему складу онъ болѣе былъ практикъ (юристъ и по занятію), нежели теоретикъ,—и, имѣющая его въ своей главѣ, сѣверо африканская школа не философствуетъ, но учитъ жить. Такимъ образомъ мы имѣемъ право, хотя только предположительно, сказать, философско-научное направленіе, характеризующее Александр. „школу катехетовъ“, получило свое начало, благодаря философско-научному направленію ея первыхъ представителей. Если такъ, то причина этого направленія школы лежитъ въ свѣтской образованности, изъ которой, какъ изъ внѣшней сферы, катехеты вынесли свое и вмѣстѣ школьное направленіе. Конечно мы еще не можемъ на основаніи только сказаннаго сдѣлать вывода о томъ, что этой образованностію была именно образованность Александрійская, равно какъ не можетъ выдавать еще за несомнѣнное дѣйствіе ея въ данномъ случаѣ именно такимъ путемъ, какой сейчасъ предположили. По этому намъ предстоитъ 1) рѣшить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли мѣ-

¹⁾ П, 449.

стная, Александр. образованность послужила началомъ для характернаго направленія александр. христ. школы, и 2, подтверждаетъ ли высказанное нами предположеніе объ образѣ дѣйствія этой образованности въ данномъ случаѣ?

Первый вопросъ легко можетъ быть рѣшенъ посредствомъ сличенія болѣе частныхъ чертъ направленія александр. христ. школы съ чертами александрійской образованности въ то время. Посмотримъ поэтому, въ чемъ выразились особенности направленія александр. школы катехетовъ и если что нибудь соотвѣтствующее имъ въ характерѣ александр. образованности, преимущественно же въ характерѣ, такъ называемой, „александрійской“ философіи, потому что направленіе школы мы охарактеризовали какъ философское.

а) Прежде всего мы видимъ въ Александр. христ. школѣ рѣшеніе вопроса объ отношеніи между вѣрой и философіей вообще. Хотя о Пантенѣ мы имѣемъ слишкомъ краткія извѣстія, но уже о немъ извѣстно, что онъ представлялъ христіанство въ философской формѣ. Еще виднѣе этотъ вопросъ выступаетъ въ сочиненіяхъ преемниковъ Пантена, — Климента и Оригена, которые большіе трактаты посвящали рѣшенію вопроса объ отношеніи между вѣрою и „гносисомъ“. Этимъ же религиозно-философскимъ вопросомъ занимались они, безъ сомнѣнія, и въ школѣ. Онъ рѣшался прежде всего въ методологическомъ смыслѣ, т. е. на философію смотрѣли какъ на форму ¹⁾, въ которую облекается вѣра. Гносису Александр. катехеты приписывали только то, чтобы усвояемое вѣрою доводить до яснаго сознанія, развивать, обосновывать и защищать. Теперь посмотримъ на противоположный христіанскій лагерь въ Александріи. Благодаря своему положенію въ центрѣ всего свѣта, куда стекалось все замѣчательное въ области духа — и реальныя познанія съ разнообразнѣйшимъ содержаніемъ, и космогоническія, и теософическія, и философскія системы всевозможныхъ характеровъ и направленій, — Александрія воспитываетъ своеобразную философію. Одного изъ существенныхъ чертъ ея является религиозный духъ философствованія. На-

1) Neander, 2, 264.

правленіе ея стало обнаруживаться еще въ сектѣ терапевтовъ, замѣгнѣ у іудейскихъ александрійскихъ писателей. Аристовула и Филона, и наконецъ особенно ясно выразилось въ неоплатонической философіи и христ. гностицизмѣ. Если мы взглянемъ на Александрійскій платонизмъ и неоплатонизмъ, предшествовавшіе неоплатонизму, то и здѣсь увидимъ религіозно—философское направленіе. Не говоря о томъ, что самый исходный пунктъ и критеріи Александрійской философіи есть непосредственное внутреннее чувство, граничащее съ вѣрою; она (философія) старается оправдать народную религію съ своей точки зрѣнія, примирить политеизмъ съ идеею единого абсолютнаго. Примиреніе философіи съ религіей и здѣсь, также какъ въ Александр. христ. школѣ, обнаружилось прежде всего въ стремленіи къ систематическому, философскому построенію религіознаго познанія. „Философія—говоритъ Партей ¹⁾—обнаруживалась не иначе, какъ въ органическомъ образованіи цѣлаго, внутреннею здоровьѣ и гармоническомъ соединеніи отдѣльныхъ частей“ того, что проникала собою.

Но этого сближенія еще слишкомъ не достаточно для нашей цѣли. Проведемъ его дальше.

б) Христ. Александр. школа не только вообще примиряла религію съ философіей, но примиряло язычество съ христіанствомъ, языческую философію съ церковнымъ вѣроученіемъ, языческихъ мудрецовъ съ христ. Свящ. Писаніемъ. Не трудно замѣтить это въ направленіи Александр. школы. Такъ даже о Пантенѣ мы можемъ сказать словами Оригена, что онъ былъ „посвященъ въ эллинскія науки“ и „былъ полезенъ многимъ“, преподавая ихъ. Философія языческая—говоритъ Климентъ—происходитъ отъ Бога ²⁾ „кромя субъективнаго основанія въ даровитости лицъ имѣетъ еще объективное—въ Откровенномъ Словѣ Божіемъ ³⁾. „Ереси философіи варварской (іудейство и христіанство) и греческой, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾—раздѣлили

¹⁾ 203—4.

²⁾ Во многихъ мѣстахъ I и VI книг. Строматъ

³⁾ Стром. кн. VI, 271—2 въ Тр. К. А. 1860, 77.

⁴⁾ Труды К. А. 1860, 81—82.

между собою, какъ бы преломили сквозь призму, вѣчную истину, происшедшую... изъ богословія вѣчнаго Слова; а кто раздѣленное сложить снова и сдѣлаетъ изъ этого единое, тотъ будетъ созерцать совершенное слово, полную истину“. Оригенъ точно также „похищаль у египтянъ золото, чтобы сдѣлать изъ него священные сосуды алтара“, какъ самъ онъ выражался о своихъ занятіяхъ греческой философій 1). Какъ крѣпко держалось это направленіе въ Александрійской христ. школѣ, можно видѣть изъ полемики ея катехетовъ съ учеными ригористическаго образа мыслей, по взгляду которыхъ греческая философія происходитъ отъ злыхъ духовъ 2) и ведетъ къ ереси. Соединеніе этихъ двухъ началъ—греческой философій и христ. вѣроученія—послужило толчкомъ и основаніемъ для еkkлектизма богословской Александрійской науки. Этотъ еkkлектизмъ и дѣйствительно вошелъ въ нее. Такъ напр. въ сочиненіи Оригена „о началахъ“ видимъ идеи іудейско-александрійской 3), неоплатонической 4) и древнегреческой 5) философій, хотя онѣ прикрыты христіанствомъ.

Въ противоположномъ, іудейскомъ и языческомъ, Александрійскомъ лагерѣ ничто не поражаетъ насъ такъ, какъ еkkлектической характеръ философій. Здѣсь думали познавать истину не въ одной какой либо системѣ, но въ смѣси ихъ; а потому каждый частный философъ приводилъ въ согласіе свое собственное воззрѣніе съ мнѣніями другихъ философовъ востока и запада, особенно съ системами философскихъ авторитетовъ, въ родѣ Платона. Примиреніе противоположностей и разностей видимъ мы также и здѣсь, какъ и въ Александрійской христ. школѣ. Такъ въ іудейско-александрійской философій примиряются языческая мудрость и еврейская Библія въ томъ же еkkлектическомъ духѣ. Аристовулъ, наприм., объединялъ основоположенія Аристотелевой философій съ ученіемъ и законами

1) Тр. К. А. 1865, іюль, 285.

2) Опроверженіе этого у Климента Алекс. въ VI кн. Строматъ.

3) См. у Siegfried'a, Philo v. Alexandria сличеніе Оригена съ Филономъ.

4) Tzschirner, 371—372.

5) Тр. К. А. 1865, іюль, 290.

своей религіи ¹⁾, Филонъ смотрѣлъ на „греческую науку, какъ на истечение изъ ветхозавѣтнаго Откровенія ²⁾, и въ своихъ точненіяхъ представилъ дѣйствительно опытъ примиренія мозаизма и языческой философіи. Это же соединеніе восточныхъ, іудейскихъ взглядовъ съ греческой философіей выполнялось еще болѣе въ послѣдующемъ философскомъ прогрессѣ ³⁾. Такимъ образомъ прежде примиренія двухъ враждебныхъ началъ въ Александрійской христіан. школѣ уже существовало такое примиреніе въ іудейской Александрійской философіи. Было оно также и въ гностицизмѣ, представляющемъ въ себѣ смѣсь христіанскихъ, іудейскихъ и языческихъ идей. Правда, мы не знаемъ положительно, примиряла ли съ собою христіанство собственно языческая философія Александріи, однако имѣемъ право предполагать это. Если Александрійская философія видѣла истину во всѣхъ системахъ религіозныхъ и философскихъ, то необходимо думать, что въ продолженіе первыхъ двухъ вѣковъ она уже успѣла настолько освоиться съ христіанскимъ ученіемъ, чтобы принять и его въ кругъ своихъ созерцаній, какъ это положительно извѣстно объ Аммоніѣ Саксѣ, жившемъ во 2-мъ и 3 в. по Р. Х. Даже если бы этого не было, то и тогда наше предположеніе о заимствованіи Александрійскою христіанскою школою своего направленія отъ александрійской образованности не потеряло бы своего значенія, потому что въ Александріи было много іудійскихъ школъ, гдѣ происходило примиреніе іудейства съ язычествомъ, равно какъ много и гностическихъ, гдѣ было примиреніе христіанства съ языческой философіей, такъ что и съ тѣми и съ другими могъ познакомиться еще Пантенъ. А ко времени его преемниковъ, о которыхъ преимущественно идутъ историческія извѣстія, какъ о примирителяхъ языческой философіи съ христіанскою вѣрой, несомнѣнно уже и языческія школы рѣшали этотъ вопросъ.

с) Средствомъ примиренія Евангелія и языческой философіи служило въ Александрійской христіанской школѣ аллегорич-

¹⁾ Klippel, 189.

²⁾ Siegfried, 160.

³⁾ Klippel, 392

ческое толкованіе перваго,—толкованіе, которое было доведено до такой крайности, что всюду кромѣ буквальнаго смысла катехеты видѣли таинственный, высшій. При такомъ толкованіи Священнаго Писанія дѣйствительно удобно было находить въ немъ тѣ идеи философскія, съ которыми не хотѣли разстаться учителя христіанской школы. Правда, о Пантенѣ мы не можемъ достовѣрно сказать, что онъ пользовался аллегоріей; но это только потому, что вообще объ немъ слишкомъ мало свѣдѣній, такъ что по одному этому никакъ нельзя отрицать того, что онъ былъ аллегористъ. За то о Климентѣ, Оригенѣ и послѣдующихъ катехетахъ съ несомнѣнностію можно сказать это. Всѣ они раздѣляли такое положеніе: какъ міръ состоитъ изъ видимаго и невидимаго, изъ матеріи и духа, такъ и Писаніе состоитъ изъ видимаго и невидимаго, изъ буквы и духа, или—за буквальнымъ смысломъ всегда лежитъ смыслъ таинственный. Эта аллегорія, существенное свойство направленія Александрійскаго богословія, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала обычаю времени и мѣста. Правда, мы находимъ ее и не въ Александріи, напр. у Платона и стоиковъ ¹⁾; но нигдѣ она не была доведена до такой ступени, какъ именно въ Александріи. Здѣсь она находила себѣ приложеніе даже въ филологіи, обнаруживаясь въ мистическомъ толкованіи мѳовъ и другихъ произведеній духа: аллегористами были грамматикъ музея и другихъ школъ Александріи. Еще болѣе практиковалась аллегорія въ еkkлектической, собственно языческой, философіи, гдѣ была лучшимъ средствомъ примиренія разнообразнѣйшихъ и даже иногда противоположныхъ философскихъ системъ; такъ напр. видимъ ее у неоплатониковъ ²⁾. Наконецъ высшая степень развитія аллегорическаго толкованія открывается въ іудейской Александрійской философіи, у Аристовула, Филона и др. ³⁾, которые рассуждали о его значеніи совершенно также, какъ позднѣе катехеты христіанской Александрійской школы, и которые доходили часто

1) Herzog, Real-Encykl. I, 238, XI. 584.

2) Tzschirner, 407

3) Herzog, ibid.

до излишества въ его приложеніи къ св. книгамъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ право сказать, что аллегорія обща какъ Александрійской христіанской школѣ, такъ и Александрійской іудейско-языческой наукѣ.

Наковецъ д) еще общей чертой между направлениемъ Александрійской христіанской и іудейско-языческой философіи является спекулятивный характеръ и той другой. Въ Александрійской христіанской школѣ онъ, правда, болѣе смягченъ, но всетаки замѣтенъ въ отвлеченныхъ, метафизическихъ разсужденіяхъ о Богѣ, матеріи, душѣ и отношеніи между ними... и въ не рѣдкой отчужденности отъ чувственного міра. Такъ Климентъ самъ о себѣ говоритъ, что діалектическое движеніе его умозрѣнія идетъ не отъ частнаго къ общему и отъ чувственного къ сверхчувственному, но совершенно наоборотъ — отъ простаго и родоваго къ видовому и частному ¹⁾, и что онъ подражаетъ въ этомъ случаѣ Платону ²⁾, философія котораго, какъ извѣстно, носитъ въ области идей и отличается спекулятивнымъ характеромъ. Оригенъ точно также жилъ въ мірѣ идей и „слишкомъ презиралъ не только тѣлесность, но и дѣйствительность ³⁾“. Что спекуляція не есть только особенность этихъ двухъ катехетовъ, а составляетъ существенную черту направленія Александрійской христіанской школы, это можно видѣть изъ того, что появившаяся въ Александріи и вышедшая изъ здѣшней богословской школы монофизитская ересь отличается именно этимъ презрѣніемъ къ чувственному и тѣлесному: она, какъ извѣстно, уничтожала человѣческую природу во Христѣ. Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что философія Александрійскихъ катехетовъ была метафизикой сверхчувственного. — Рѣзче замѣтна такая спекуляція въ Александрійской іудейско-языческой философіи. Вышедши изъ идеализма Платона, который заповѣдывалъ духу съ закрытыми для міра явленій глазами стремиться къ царству безформенныхъ и безтѣлесныхъ идей ⁴⁾, но который, впрочемъ, при своихъ богослов-

1) Strom. I I p. 70. Тр. К. А. 1860, 104.

2) *ibid.* p. 60 Тр. К. А. 1860, 104.

3) Тр. К. А. 1865 іюль. 309.

4) Бауеръ, исторія философіи 157.

скихъ спекуляціяхъ не упустила изъ виду практическихъ интересовъ ¹⁾, Александрійская философія „безъ малѣйшаго раздумья о внѣшнемъ мірѣ поднялась въ сверхчувственный міръ, чтобы въ немъ понять послѣднія основанія и законы чувствительнаго міра“ ²⁾. Этимъ она стала философіей отличной отъ прежде существовавшей. Прежде, если и была спекуляція, то была заключеніемъ изъ наблюденій надъ природой, теперь же въ Александріи философія идетъ отъ сверхчувственнаго къ чувственному ³⁾. Что спекуляція является особенностію Александрійскаго философствованія—это можетъ показать еще тотъ фактъ, что Александрійскій гностицизмъ отличается отъ Сирійскаго собственно этой спекуляціей, какъ замѣчаетъ Неандеръ ⁴⁾.

Такимъ образомъ мы имѣемъ право сказать, что духъ спекуляціи одинаково присущъ александрийцу—и іудею и язычнику и христіанину. Правда, въ христіанской школѣ не забыты окончательно практическіе интересы; но такое смягченіе спекуляціи требовалось самою сущностію христіанской религіи, какъ религіи жизни, а не ума только; притомъ же христіанская Александрійская школа дала сравнительно мало практическихъ сочиненій и они отличаются стремленіемъ къ аскетизму, какъ и многія практическія ученія александрийцевъ—язычниковъ и іудеевъ ⁵⁾.

Изъ приведеннаго сличенія существенныхъ чертъ Александрійской философіи іудейско-языческой и христіанской уже можно дѣлать заключеніе, что первая перешла во вторую, измѣнившись немного сообразно съ духомъ христіанства. Теперь спрашивается, какъ вошла эта языческо-іудейская философія въ христіанскую школу, безсознательно ли со стороны катехетовъ, или сознательно для какой либо цѣли была принята ими.

Разсматривая судьбу языческаго, іудейскаго и христіанскаго (въ первыхъ порахъ христіанства) умовъ въ Алек-

1) Klippel, 392.

2) Tennemann. Geschichte d. Philosophie VI, 5.

3) ibid. 12—13.

4) II, 50.

5) Труды К. А. 1865 іюль, 279.

сандріи, мы видимъ на нихъ какъ бы давленіе мѣстной атмосферы. Язычество не мыслить самостоятельно, но обрабатываетъ и систематизируетъ прежнія философскія ученія, „научно“ занимается философіей и религіей ¹⁾. Іудей, какъ только шагнулъ сюда изъ родной емли, начинаетъ подъ вліяніемъ этого гнета, сростаться съ язычествомъ и творить эклектическую іудейско-александрійскую философію, которая также есть ничто иное, какъ языческо-научная обработка мозаизма. Христіанинъ первыхъ вѣковъ не остаеся безъ этого давленія — творить гносісь по тому же Александрійскому стилю. Всѣ они философствуютъ о религіозныхъ вопросахъ, всѣ создаютъ гармоніи, всѣ аллегоризируютъ и широко спекулизируютъ. Если наконецъ является такой стиль въ христ. богословской школѣ, то не явный ли это признакъ, что здѣсь отразилось неизбѣжное вліяніе какого-то Александрійскаго духа, царившаго и обнаружившагося всюду, такъ что въ силу этой исторической цѣпи его вліяній легче и естественнѣе признать безсознательнымъ его появленіе въ Александр. христ. школѣ, нежели сознательнымъ. Правда, Александр. катехеты отстаиваютъ, и горячо отстаиваютъ свое Александр. направленіе отъ нападеній христ. учителей другихъ школъ; но это еще не говоритъ о томъ, что знесеніе стиля Александрійской философіи въ Александр. христ. школу есть дѣло сознательнаго заимствованія. Оно могло быть сознаваемо какъ полезное послѣ того уже, какъ безсознательно допущено; катехетъ—можно думать—не хотѣлъ разстаться съ этимъ стилемъ и нашелъ пользу его для школы и церкви, послѣ того какъ вдумался въ него. Сознательное заимствование могло также дѣйствовать и одновременно съ безсознательнымъ, только въ меньшей степени, чѣмъ послѣднее.

Безсознательно могло проникнуть разсмотрѣнное нами направленіе Александр. христ. школу двоякимъ путемъ. Одинъ изъ нихъ указанъ уже нами и теперь требуетъ подтвержденія. Для того чтобы объяснить дѣло складомъ ума первоначальныхъ катехетовъ — реформаторовъ, нужно знать конечно, что они жили въ Сандріи и изучали Александр.

1) Klippel, 385—386

философію. Правда, о Пантенѣ мы знаемъ, что онъ былъ стоикъ и не знаемъ, что онъ раздѣлялъ идеи Алекс. философіи; но его продолжительное пребываніе въ Александріи и прекращеніе послѣ этого странствованій съ научно-философскою цѣлью уже даетъ нѣкоторое основаніе предполагать то, что онъ нашелъ успокоеніе въ Александрійской созерцательной философіи. Даже если это и не такъ, мы мало теряемъ, потому что и неизвѣстно, чтобы его преподаваніе носило отпечатки именно Александрійскаго стиля. Объ немъ извѣстно (и то не совсѣмъ положительно) только, что онъ философски излагалъ христ. вѣроученіе и притомъ въ еkkлектическомъ духѣ, а для этого достаточно было ему быть лишь философомъ своего времени (какой бы то ни было школы), такъ какъ еkkлектизмъ былъ общимъ достояніемъ всѣхъ философскихъ системъ того времени. Только о преемникахъ его извѣстно, что они учили въ духѣ Александр. философіи. Несомнѣнно, что Климентъ, первый слѣдовавшій за Пантенемъ въ Александр. школѣ, раздѣлялъ идеи этой мѣстной философіи. Не даромъ поэтому нѣкоторые признаютъ его неоплатоникомъ, что впрочемъ не совсѣмъ вѣроятно, хотя такое предположеніе покоится на вѣрномъ основаніи—на сходствѣ нѣкоторыхъ изъ его идей съ неоплатоническими. А это объясняется, какъ нельзя лучше, тѣмъ, что и у него и у неоплатониковъ выразились идеи Александрійской философіи до-неоплатонической. Что это такъ, видно изъ сочиненій Климента, гдѣ онъ проводитъ не рѣдко идеи Филона, платонизма. пріютившагося особенно въ Александріи, и отчасти стоицизма ¹⁾; въ своихъ Строматахъ ²⁾ и Педагогѣ ³⁾ онъ рѣзко выставляетъ такое положеніе: Богъ не имѣетъ опредѣленныхъ свойствъ, онъ безкачественъ,—а это было существеннымъ свойствомъ Александрійской философіи ⁴⁾, по которой Богъ есть *ἀποιος, ἀρρητος* и, отсюда, *ἀχαραληπτος*. Это же самое положеніе раздѣлялъ и Оригенъ ⁵⁾, бывший притомъ

1) Herzog, II, 743.

2) Strom. V, 10, 66 p. 685, II, 2, 7 p. 432 у Siegfried'a, 346.

3) Paedag. 1, 8, 71, p. 140 у Siegfried'a, 346.

4) Tr K. A. 1860, 107.

5) *ibid.*

слушателемъ неоплатоника Аммонія Сакса и воспитавшійся въ Александріи, вліяніе чего замѣтно ясно въ тѣхъ частныхъ идеяхъ, которыя проводилъ Оригенъ въ своихъ сочиненіяхъ, и которыя совершенно тождественны съ идеями іудейской и неоплатонической философіи Александріи ¹⁾. Если же первые катехеты были не чужды нѣкоторыхъ частныхъ идей Александр. философіи, то тѣмъ съ большею основательностію можно предполагать, что они усвоили общія черты направленія, отличавшія Александр. философію; и удивительно было бы, если бы они, сжившись съ этимъ опредѣленнымъ стилемъ, вдругъ отрѣшились отъ него, ставши катехетами христ. школы; въ разрѣзъ съ нимъ не становились, вѣдь, ни христіанство, ни должность катехета. Поэтому если мы видимъ этотъ Александрійскій стиль въ ихъ преподаваніи, то можемъ думать, что онъ безсознательно вынесенъ ими изъ школъ Александр. философіи въ силу привычки къ нему.

Впрочемъ такой катехетъ въ Александр. школѣ, т. е. съ Александрійскимъ складомъ ума, не есть случайное явленіе; мѣстныя и временныя условія вызвали именно такого, а не инаго катехета, или, по крайней мѣрѣ, болѣе данныхъ представляли въ себѣ къ образованію такого именно катехета и такого направленія Александр. христ. школы. Такими условіями было именно состояніе образованности въ Александріи съ ея частными чертами. Въ Александріи въ это время мы видимъ множество философскихъ школъ, куда тянетъ образованный классъ не только этого, но и другихъ городовъ тогдашняго міра. Философія пользуется общимъ почетомъ, такъ что рѣдко, рѣдко кто не причислялъ себя къ какой-либо философской школѣ ²⁾. Въ силу этого уваженія александрийца къ философіи, для того чтобы привлечь его въ христіанскую школу нужно было сдѣлать ее философской школой, подобною другимъ; даже сами христіане, оглашаемые въ этой школѣ, требовали своими вопросами именно такого, а не инаго направленія школы. Во всѣхъ Александрійскихъ школахъ царитъ еklektizmъ и

¹⁾ См. раньше.

²⁾ Parthey, 205.

во многихъ дается примиреніе разнородностей. Іудейскія школы научно защищаютъ мозаизмъ и примиряютъ его съ язычествомъ; музей читаетъ апологетику язычества и вѣроятно вноситъ въ свое религіозно-философское міровоззрѣніе христіанскія идеи; христіанскія гностическія школы защищаютъ христіанство предъ языческой философіей, объединяя послѣднюю съ первымъ. Чтобы христіанская огласительная школа выдержала оппозиціонный характеръ и не оттолкнула отъ себя александрійца, она должна была поставить дѣло такимъ же точно образомъ. Такого примиренія требуютъ образованные оглашаемые, опирающіеся на философскій авторитетъ, и слушавшіе бесѣды катехетовъ язычники и гностики. Средство къ примиренію было уже готово въ Александрійской философіи и практиковалось въ большинствѣ школъ Александріи, такъ что самаго поверхностнаго знакомства съ преподаваніемъ здѣсь было достаточно, чтобы внести аллегорію въ Александрійскую христіанскую школу. Даже не выходя изъ стѣнъ школы, можно было, при свободныхъ бесѣдахъ въ ней, придти къ мысли объ аллегорическомъ толкованіи Св. Писанія, какъ средствѣ для рѣшенія поставленнаго вопроса объ отношеніи между философскими системами и христіанскимъ вѣроученіемъ. Отъ этого толчка легко было перейти къ тому увлеченію аллегоріей, которое видимъ въ Александрійской христіанской школѣ, какъ и въ іудейско-языческой философіи: значеніе таинственнаго такъ заманчиво, что побуждаетъ стремиться къ нему и искать его всюду, особенно если даны его начатки. Наконецъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что созерцательный характеръ Александрійской философіи явился въ силу подорваннаго авторитетъ чувственнаго познанія скептицизма, такъ что отсюда же и часто мистическій характеръ философствованія, и основаніе его на вѣрѣ, то выведемъ изъ Александрійской образованности и послѣднюю существенную черту въ направленіи христіанской Александрійской школы—спекуляцію. Не смотря на скептическое отношеніе къ знанію, разумъ конечно не могъ отказаться всетаки отъ своихъ правъ, но пожертвовалъ реактивному духу времени тѣмъ, что устремился въ высшій міръ, куда сначала повлекло его непосредственное чувство и вѣра. Такимъ образомъ созерцательно мыслящіе александрійцы сво-

ими бесѣдами должны были именно въ высшій міръ увлечь и катехета, отвлекая его съ другой стороны отъ чувственнаго міра, къ которому они притомъ же почувствовали и презрѣніе подѣ влияніемъ идей востока, или лучше, той же спекуляціи. Но конечно характеръ христіанства и его ясно выраженные въ Священномъ Писаніи практическія требованія не позволяли совершенно обходить послѣднихъ. Потому здѣсь все таки раскрываются и они, но раскрывается въ духѣ аскетизма, царившаго въ Александріи. Изъ этого краткаго очерка видно то сильное влияніе, какое должна была оказывать окружающая катехета среда; такъ что, не учись первый александрійскій катехетъ—реформаторъ въ свѣтскихъ философскихъ школахъ Александріи, онъ вышелъ бы такимъ, какимъ является предъ нами теперь. А образовавшись въ этихъ школахъ по Александрійскому стилю, онъ тѣмъ самымъ облегчилъ тотъ историческій процессъ, который долженъ бы былъ предшествовать окончательному складу охарактеризованнаго нами направленія Александрійской христіанской школы. Такимъ образомъ, внося стиль свѣтской Александрійской школы въ духовную христіанскую, катехетъ тѣмъ самымъ выполнялъ требованіе времени и мѣста, и стоялъ на самой благопріятной почвѣ, такъ что направленіе, внесенное имъ, должно было и дѣйствительно утвердилось въ школѣ.

Впрочемъ говоря о безсознательномъ внесеніи въ христ. Александр. школу этого направленія, какъ господствующемъ, мы не отрицаемъ дѣйствія и сознанія и въ данномъ случаѣ: мы даже показывали иногда возможность его участія, раскрывая дѣйствіе историческихъ условій; только сознательная причина играетъ уже второстепенную роль и вѣроятно явилась какъ позднѣйшее, выработанное въ полемикѣ съ ригористами убѣжденіе. Такой сознательной причиной могло быть, и дѣйствительно способствовало удержанію въ Александр. школѣ даннаго направленія, сознаніе пользы его какъ для язычника, такъ и для христіанина. Въ отношеніи къ первому это направленіе было лучшимъ средствомъ для привлеченія его въ школу и для обращенія къ христіанству. А какъ такое, прежде всего исходитъ изъ состоянія образованности въ Александріи. Въ отношеніи ко второму оно полезно тѣмъ, что поднимаетъ, уровень религіознонравствен-

наго познанія и удовлетворяетъ, успокоиваетъ образованнаго христіанина. Какъ скоро взять христіанина безъ отношенія къ его образованію, изъ сознанія этой пользы никакъ нельзя вывести всѣхъ тѣхъ деталей, которыя мы замѣтили въ направленіи Александр. христ. школы,—напр. спекулятивнаго характера философствованія и примиренія христіанскихъ изреченій съ изреченіями языческихъ философовъ и ученыхъ. По этому и эта воспитательная цѣль, чтобы быть причиною поддержанія охарактеризованнаго нами направленія, предполагаетъ необходимо подъ собою извѣстный складъ мыслей и важныхъ привычекъ слушателя и такимъ образомъ выходитъ изъ той же Александр. образованности. Что бы не повторять сказаннаго прежде, говоря о двоякой внутренней причинѣ (цѣли миссіонерской и воспитательной) научно философскаго направленія христ. Александр. школы, достаточно ограничиться этимъ общимъ выводомъ, т. е. что значеніе ея, какъ причины, основывается всецѣло на Александрійской образованности,—выводомъ, какой только и имѣетъ значеніе для нашей задачи.

Такимъ образомъ и сознательная и безсознательныя причины происхожденія направленія христ. Александр. школы—всѣ сводятся къ одной,—къ преобладанію и характеру философіи въ Александріи даннаго времени.

Итакъ, обобщая все сказанное нами, мы дѣлаемъ такой выводъ, что Александр. христ. школа, съ ея существенными чертами, есть не случайное явленіе въ Александріи. Не только удобнѣе и легче, чѣмъ гдѣ нибудь, она могла развиться здѣсь, но даже нигдѣ не могла она явиться, какъ только въ Александріи.

Правда, въ выработкѣ типа Александрійской христ. школы дѣйствовали общія историческія причины того времени; но однѣ изъ нихъ сами по себѣ не могли дать ничего для типа школы, такъ что подъ ихъ исключительнымъ дѣйствіемъ александрійская школа ничѣмъ не разнилась бы отъ другихъ христ. школъ того времени; другія могли создать этотъ типъ лишь подъ условіемъ высшей степени напряженія, — той степени, которая замѣтна въ то время только въ Александріи. Тамъ, Александр. христ. школа воспитываетъ дѣтей и prepares пастырей церкви въ силу общецерковныхъ

интересовъ и потому такія цѣли богословскихъ школъ явились всюду. Но конечно это всего болѣе нужно было тамъ, гдѣ образованіе составляло насущное желаніе и предметъ гордости, если не всѣхъ, то многихъ, и гдѣ самыя ереси имѣли научный характеръ. — Христ. школа Александріи оглашаетъ и миссіонерствуетъ о ятъ-таки въ силу церковныхъ потребностей. Но миссіонерство ея проявляется тѣмъ, что она тянетъ язычниковъ въ школу, защищаетъ здѣсь христіанство, опровергаетъ язычество, отдавая ему впрочемъ должную дань справедливости. Это скорѣе всего могло явиться тамъ, гдѣ язычникъ не стоялъ во враждѣ съ христіаниномъ и гдѣ первый имѣлъ особенный интересъ въ отношеніи къ христіанству; а такъ было въ Александріи. — Всесторонней образованности катехетовъ давался толчекъ обязанностию ихъ учить дѣтей и юношей христіанскихъ и бесѣдовать съ оглашенными, между которыми не рѣдко являлись и язычники; но образованность катехетовъ могла развернуться такъ грандіозно, какъ въ Александріи, только тамъ, гдѣ въ школу шло столько же и такъ же высоко образованныхъ слушателей, какъ въ Александр. христ. школу. А этого въ данное время нельзя было найти нигдѣ: Александрія была средоточіемъ ученыхъ всего свѣта, задушевымъ желаніемъ которыхъ было учиться въ здѣшнихъ школахъ. Въ Александріи такимъ образомъ всесторонняя ученость катехетовъ стала необходимымъ требованіемъ обстоятельствъ, а потому ею отличаются всѣ катехеты періода процвѣтанія этой школы. — Въ основѣ своего преподаванія катехеты ставятъ въ Александр. школѣ Св. Писаніе, хотя, правда, изъ общецерковнаго же интереса, однако, съ другой стороны, подъ благоприятнымъ дѣйствіемъ Александрійской науки, довѣрившей особенно авторитетамъ и зараженной еkkлектизмомъ, а потому съ особенною любовію обратившейся къ древнимъ сочиненіямъ. — Отличительнымъ свойствомъ преподаванія Св. Писанія въ александр. школѣ былъ философскій элементъ. Интересъ къ философіи всюду цалъ въ это время, хотя философы попадались всюду; и только въ одной Александріи онъ поддерживался, благодаря вліянію восточныхъ системъ; даже болѣе — философія здѣсь пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Поэтому философское направленіе христ. школы

было требованіемъ обстоятельствъ въ то время лишь въ одной Александріи. — Здѣсь только, дагѣ не могло быть ригористическаго духа нѣкоторыхъ христ. школъ, здѣсь только могла явиться мысль объ оппозиціи язычеству чрезъ примиреніе его съ христіанствомъ, а не отрицаніе, — въ силу господствовавшаго въ школахъ Александріи стремленія къ философскимъ авторитетамъ и въ силу развившейся здѣсь, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, вѣротерпимости, вызвавшей еkkлектизмъ въ Александрійской христ. богословской наукѣ. Притомъ же здѣсь былъ уже готовъ такой примѣръ положительной оппозиціи и примиренія разнородностей въ іудейскихъ, гностическихъ и, пожалуй, языческихъ школахъ. — Другою существенною чертою преподаванія Св. Писанія въ христ. Александр. школъ было аллегорическое толкованіе его. Правда, толчекъ къ нему могъ быть всюду. потому что аллегоризмъ былъ достояніемъ многихъ системъ; но чтобы онъ сталъ требованіемъ времени, это можно сказать лишь объ аллегоризмѣ въ Александріи. Въ Александріи онъ былъ не силенъ и не могъ погому ни обратить на себя вниманія учителей церкви, ни вызвать себѣ подобнаго въ богословской наукѣ, а тѣмъ менѣе — дойти до такихъ чудовищныхъ размѣровъ аллегоризма Александр. школы. въ какихъ онъ становится положительно вреденъ для христіан. церкви. Внесеніе вреднаго, или, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ мало-полезнаго могло быть лишь тамъ, гдѣ отъ него не могутъ уже отрѣшиться, гдѣ оно уже заразило умы; а такъ было въ Александріи, гдѣ аллегорія задолго прежде катехеговъ-реформаторовъ уносила въ область произвольныхъ и иногда крайне мистическихъ толкованій. — Наконецъ, правда, что скептицизмъ, по скольку всюду проповѣдывался, по стольку всюду же долженъ былъ вызвать реакцію; но нигдѣ она не обнаружилась такъ сильно и въ такомъ духѣ спекуляціи, какъ въ Александріи. По этому-то только въ Александріи спекуляція была такъ обязательна, что стала существеннымъ свойствомъ Александр. богословско-христіанской науки въ отличіе отъ науки другихъ христ. школъ; по этому-то здѣсь практическое ученіе разрѣшилось тѣмъ аскетическимъ (вышедшимъ изъ спекуляціи) взглядомъ на жизнь. какой породилъ

впослѣдствіи множество египетскихъ анахоретовъ и монаховъ. Только преимущественное господство этихъ силъ, дѣйствовавшихъ въ образованіи склада христ. Александр. школы, такимъ образомъ только то назрѣніе ихъ, какое было въ то время въ одной лишь Александріи, могло породить характеръ христіанской школы Александріи, отличный отъ характера другихъ школъ того же рода. А если такъ, и если почти всѣ эти силы сводятся къ одной — къ образованности общества; то мы имѣемъ право сказать, что въ образованіи типа христ. Александрійской школы главнымъ образомъ дѣйствовалъ типъ мѣстной науки и степень, до которой достигла здѣсь эта послѣдняя.

А. Доброклюнскій.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru